

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



## ГЛАВА I

Год 1647 был год особенный, ибо многообразные знамения в небесах и на земле грозили неведомыми напастями и небывальными событиями.

Тогдашние хронисты сообщают, что весной, выплотившись в невиданном множестве из Дикого Поля, саранча поела посевы и травы, а это предвещало татарские набеги. Летом случилось великое затмение солнца, а вскоре и комета запылала в небесах. Над Варшавою являлись во облаке могила и крест огненный, по каковому случаю назначалось поститься и раздавали подаяние, ибо люди знающие пророчили, что мор паразит страну и погибнет род человеческий. Ко всему еще и зима наступила столь мягкая, какой и старики не упомнят. В южных воеводствах реки вообще не сковало льдом, и, каждодневно питаемые снегом, тающим с утра, они вышли из берегов и позаливали поймы. Часто шли дожди. Степь размокла и сделалась большою лужею, солнце же в полдни припекало так, что — диво дивное! — в воеводстве Брацлавском и на Диком Поле луга и степь зазеленели уже к середине декабря. Рои на пасаках колотились и гудели, а по дворам мычала скотина. Поскольку ход природы вовсе, казалось, повернул вспять, все на Руси, ожидая небывалых событий, обращались тревожной мыслью и взором к Дикому Полю, так как беда могла прийти, скорее всего, оттуда.

На Поле же ничего примечательного не происходило. Никаких особых побоищ или стычек, кроме привычных и всегдашних, не случалось, а об этих ведали разве что орлы, вороны, ястребы и полевой зверь.

Уж таким оно, это Поле, было. Последние признаки оседлой жизни к югу по Днепру обрывались вскоре за Чигирином, а по Днестру — сразу за Уманью; далее же — до самых до лиманов и до моря — только степь, как бы двумя реками окаймленная. В днепровской излучине, на Низовье, кипела еще за порогами казацкая жизнь, но в самом Поле никто не жил, разве что по берегам, точно острова среди моря, кое-где попадались «полянки». Земля, хоть и пустовавшая, принадлежала *de nomine*<sup>1</sup> Речи Посполитой, и Речь Посполитая позволяла на ней татарам пасти скот, но, коль скоро этому противились казаки, пастбища то и дело превращались в поле брани.

Сколько в тех краях битв отгремело, сколько народу полегло — не счесть, не упомнить. Орлы, ястребы и вороны — одни про то и знали, а кто в отдалении слышал плескание крыл и карканье, кто замечал птичьи водовороты, над одним кружащиеся местом, тот знал, что либо трупы, либо кости непогребенные тут лежат... На людей в травах охотились, словно на волков или сайгаков. Охотился кто хотел. Преступник в дикой степи спасался от закона, вооруженный пастырь стерег стада, рыцарь искал приключений, лихой человек — добычи. Казак — татарина, татарин — казака. Бывало, что и целые дружины стерегли скот от бесчисленных охотников до чужого. Степь, хоть и пустовавшая, вместе с тем была не пустая; тихая, но злоеющая; безмятежная, но полная опасностей; дикая Диким Полем, но еще и дикостью душ.

Порою прокатывалась по ней большая война. Тогда волнам подобно плыли татарские чамбулы, казацкие полки, польские или валашские хоругви; по ночам ржание коней вторило волчьему вою, голоса барабанов и медных труб долетали до самого Овидова озера, а то и до моря, а на Черном Шляхе, на Кучманском — тут, можно сказать, просто половодье людское. Рубеж Речи Посполитой стерегли от Каменца и до самого до Днепра заставы и «полянки», так что, если дороги грозились наводниться пришельцами, об этом узнавали по бессчетным птичьим стаям, всполошенным чамбулами и устремлявшимся на север. Но татарин — выступи он из Черного Леса или пе-

<sup>1</sup> Номинально (*лат.*).

рейди Днестр с валашской стороны — появлялся все-таки в южных воеводствах вместе с птицами.

Однако в зиму ту шумливые птицы не устремлялись к Речи Посполитой. В степи было даже тише обычного. К началу повествования нашего солнце уже садилось, и красноватые лучи его озаряли округу, пустынную совершенно. По северному краю Дикого Поля, по всему Омельнику до самого его устья наизорчайший взгляд не углядел бы ни живой души, ни даже малейшего движения в темном, сохлом и поникшем бурьяне. Солнце теперь только половиною круга своего виднелось над горизонтом. Небо меркло, отчего и степь помалу погружалась в сумрак. На левом берегу, на небольшой возвышенности, скорее похожей на курган, чем на холм, еще виднелись остатки каменной твердыни, поставленной некогда Теодориком Бучацким и разрушенной затем войнами. От руин этих ложились длинные тени. Внизу поблескивали воды широко разлившегося Омельника, в месте том сворачивавшего к Днепру. Но свет все более меркнул и на небе, и на земле. С высоты доносились клики журавлей, тянувших к морю, более же ни один голос безмолвия не нарушал.

Ночь легла на пустыню, а с нею пришло и время духов. По заставам не смыкавшие глаз рыцари рассказывали тогда друг другу, что ночами являются в Диком Поле призраки тех, кто погиб или умер без покаяния напрасной смертью, и кружатся вереницами, в чем не помеха им ни крест, ни храм Господень. Поэтому, когда шнуры, указывавшие полночь, начинали догорать, на заставах по этим несчастным служили заупокойную. Еще рассказывали, будто такие же тени, но всадников, скитаясь по глухим местам, заступают дорогу проезжим, стелая и моля о знаке креста святого. Бывали призраки, пугавшие людей воем. Искушенное ухо издалека могло отличить их завывания от волчьих. Еще видали целые воинства теней — эти иногда столь близко подходили к заставам, что часовые трубили *larum*<sup>1</sup>. Такие случаи предвещали, как правило, немалую войну. Встреча с одиночной тенью тоже не сулила ничего хорошего, но не всегда следовало предполагать недоброе, ибо

<sup>1</sup> Тревогу, сигнал к бою (*лат.*).

перед дорожными иногда и живой человек возникал и пропадал, как тень, так что только призраком и мог быть сочтен.

А поскольку над Омельником спустилась ночь, ничего не было удивительного в том, что сразу — возле заброшенной крепости — возник не то дух, не то человек. Луна, как раз выглянувшая из-за Днепра, выбелила пустынную местность, голочки репейников и степные дали. Тотчас ниже по течению в степи появились какие-то ночные создания. Мимолетные тучки то и дело застили луну, и облики эти то белелись во тьме, то меркли. Иногда они пропадали вовсе и как бы таяли во мраке. Приближаясь к вершинке, на которой стоял упомянутый всадник, они, то и дело останавливаясь, тихо, осторожно и медленно крались.

В движении этом было что-то пугающее, впрочем, как и во всей степи, с виду такой безмятежной. Ветер порою задувал с Днепра, поднимая печальный шелест в сохлых репьях, клонившихся и трепетавших, точно с перепугу. Но вот поглощенные тенью развалин облики пропали. В бледном сиянии ночи видать было только недвижимого на взгорье всадника.

Однако шелест привлек и его внимание. Подъехав к самому крутояру, он внимательно стал вглядываться в степь. Сразу улегся ветер, шелест умолк, и сделалась тишина мертвая.

Вдруг раздался пронзительный свист. Многие голоса разом и душераздирающе завопили: «Алла! Алла! Иисусе Христе! Спасай! Бей!» Загремели самопалы, красные вспышки разорвали мрак. Конский топот смешался с лязгом железа. Еще какие-то всадники возникли в степи словно из-под земли. Настоящая буря взметнулась в этой только что безмолвной и зловещей пустыне. Потом стоны человеческие стали вторить страшным воплям, и наконец все утихло. Бой закончился.

Надо полагать — в Диком Поле разыгрывалась одна из обычных сцен.

Всадники съехались на взгорье, некоторые спешили, внимательно к чему-то приглядываясь.

Из темноты послышался громкий, повелительный голос:

— Эй там! Высечь огня да запалить!

Тотчас посыпались искры, и сразу вспыхнул сухой очерет с лучиной, каковые путешествующий по Дикому Полю всегда возил с собою.

Немедля в землю был воткнут шест с каганцом, и падающий сверху свет резко и ярко осветил десятка полтора людей, склонившихся над кем-то, недвижно распростертым.

Это были воины в красной придворной форме и в волчьих шапках. Один, сидевший на добром коне, по виду командир, прыгнув на землю, подошел к лежащему и спросил у кого-то:

— Ну что, вахмистр? Живой он или нет?

— Живой, пан наместник, хрипит вот, арканом его придушило.

— Кто таков?

— Не татарин, важный кто-то.

— Оно и слава богу.

Наместник внимательно пригляделся к лежащему человеку.

— По виду гетман, — сказал он.

— И конь у него — аргамак редкостный, какого и у хана нету, — ответил вахмистр. — Да вон его держат!

Поручик поглядел, и лицо его просветлело. Рядом двое солдат держали и вправду отменного скакуна, а тот, прижимая уши и раздувая ноздри, протягивал голову и глядел устранным глазом на лежащего хозяина.

— Уж конь-то, конечно, наш будет? — поспешил спросить вахмистр.

— А ты, подлая душа, христианина в степи без коня оставить хочешь?

— Так ведь в бою взятый...

Дальнейший разговор был прерван вовсе уж громким хрипением удавленного.

— Влить человеку горелки в глотку! — сказал наместник. — Да пояс на нем распустить.

— Мы что, тут и заночуем?

— Тут и заночуем! Коней расседлать, костер запалить.

Солдаты живо бросились исполнять приказания. Одни стали приводить в чувство и растирать лежащего, другие отправились за очеретом, третьи разостлали для ночлега верблюжьи и медвежьи шкуры.

Наместник, не беспокоясь более о полузадушенном незнакомце, расстегнул пояс и улегся возле костра на бурку. Был он очень молод, сухощав, черноволос и весьма красив; лицо имел

худое, а нос — выдающийся, орлиный. Взор наместника пылал бешеной отвагою и задором, но выражение лица при этом не теряло степенности. Значительные усы и давно, как видно, не бритая борода вовсе делали его не по возрасту серьезным.

Тем временем двое солдат стали готовить ужин. Они пристроили на огне заготовленные бараньи четверти, из тороков вытащили несколько дроф, подстреленных днем, несколько куропаток и одного сайгака, которого солдат тут же принялся обдирать. Костер горел, отбрасывая в степь огромный красный круг. Удушенный стал потихоньку приходить в себя.

Какое-то время водил он налитыми кровью глазами по незнакомцам, затем попытался встать. Солдат, прежде разговаривавший с наместником, приподнял лежавшего, подхватив под мышки; другой сунул ему в руки обушок, на который неизвестный тяжело оперся. Лицо его с надувшимися жилами оставалось багровым. Наконец сдавленным голосом он прохрипел первое слово:

— Воды!

Ему дали горелки, которую он пил и пил, и, как видно, не без пользы, потому что, оторвавшись наконец от фляги, спросил уже более отчетливым голосом:

— У кого это я?

Наместник встал и подошел к нему:

— У тех, кто вашу милость спасением подарили.

— Значит, не вы накинули аркан?

— Наше дело, милостивый государь, сабля, не аркан. Бесчестишь добрых жолнеров подозрением. А поймали тебя какие-то лихие люди, татарами переодетые. На них, ежели любопытствуешь, можешь поглядеть; вон они, как бараны порезанные, лежат.

И наместник указал рукой на темные тела, лежавшие у подошвы взгорья.

Незнакомец на это сказал:

— Если так — позвольте же мне отдышаться.

Ему подложили войлочную кульбаку, устроившись на которой он погрузился в молчание.

Это был мужчина в расцвете лет, среднего роста, в плечах широкий, почти исполинского телосложения, с поразитель-

ными чертами лица. Голову он имел огромную, кожу дряблую, очень загорелую, глаза черные и, точно у татарина, слегка раскосые; узкий рот его обрамляли тонкие усы, по оконечьям расхидившиеся широкими кистями. На мощном лице были написаны отвага и высокомерие. Тут совмещалось что-то притягательное и вместе с тем отталкивающее: гетманское достоинство, смешанное с татарской лукавостью, благожелательность и злость.

Отсидевшись несколько времени, он встал и, не поблагодарив, совершенно неожиданно отправился глядеть на убитых.

— Мужлан! — буркнул наместник.

Незнакомец между тем внимательно вглядывался в лицо каждому, качал головою, словно поняв что-то, а затем медленно направился к наместнику, шаря по бокам и машинально ища пояс, за который хотел, как видно, заложить руку.

Не понравилась молодому наместнику таковая значительность в человеке, только что вынутом из петли, поэтому он язвительно сказал:

— Можно подумать, что ты, ваша милость, знакомых ищешь среди этих воров или заупокойную по ним говоришь.

Незнакомец серьезно ответил:

— И не ошибаешься ты, сударь, и ошибаешься; не ошибаешься, потому что искал я знакомых, однако, называя их татями, ошибаешься, ибо это слуги некоего шляхтича, моего соседа.

— Не из одного, видать, колодца берете воду вы с тем соседом.

Странная какая-то усмешка скользнула по тонким губам незнакомца.

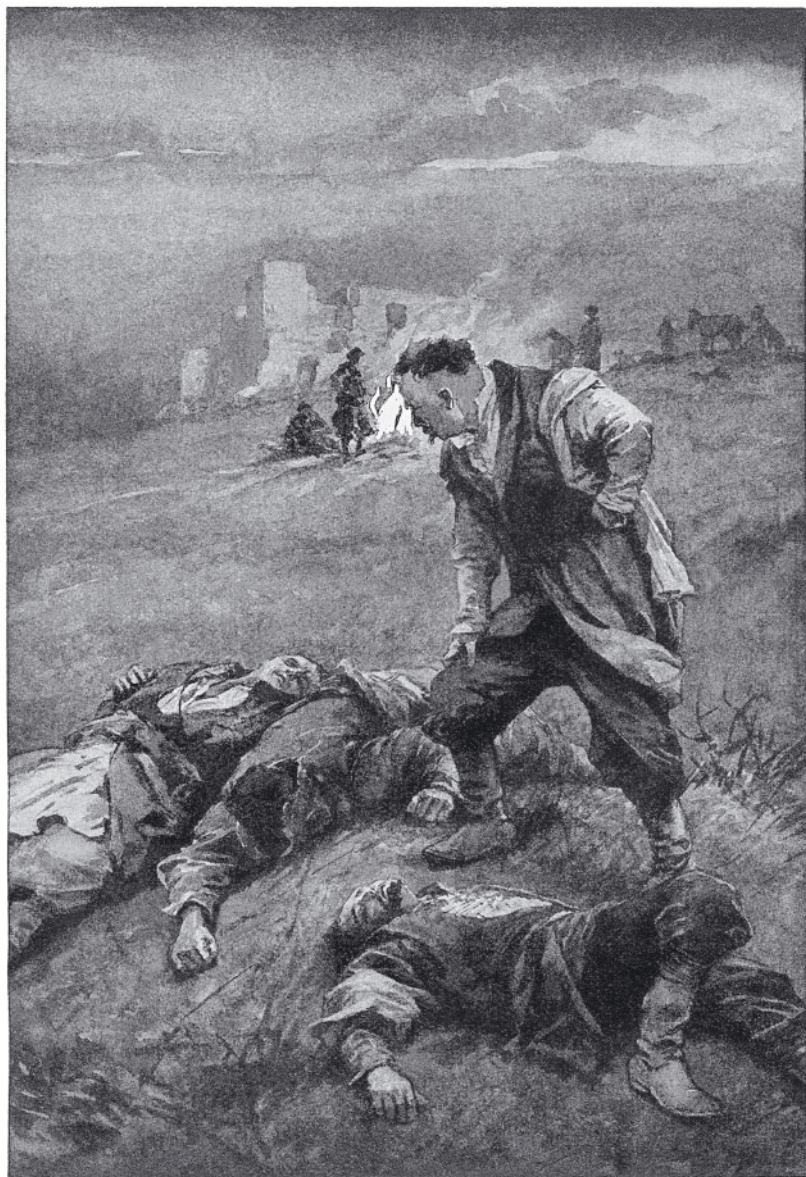
— И в этом ты, сударь, ошибаешься, — пробормотал он сквозь зубы.

Спустя же мгновение добавил погромче:

— Однако прости мне, ваша милость, что я надлежащей не выразил благодарности за *auxilium*<sup>1</sup> и успешное спасение, каковые меня от столь неожиданной смерти упасли. Мужество твое, ваша милость, покрыло неосмотрительность того, кто от

<sup>1</sup> Помощь (лат.).





*Незнакомец между тем внимательно взглядывался в лицо каждому,  
качал головою, словно поняв что-то...*

людей своих отдалился; но благодарность моя самоотверженности твоей не меньше.

Молвив это, он протянул руку наместнику.

Однако самоуверенный молодой человек даже не пошевелился и своей протягивать не спешил. Зато сказал:

— Нелишне бы сперва узнать, со шляхтичем ли имею честь, ибо хоть и не сомневаюсь в этом, но анонимные благодарности полагаю неуместными.

— Вижу я в тебе, сударь, истинно рыцарские манеры, и полагаешь ты справедливо. Речи мои, да и благодарность тоже, следовало мне предварить именем своим. Что ж! Перед тобою Зиновий Абданк, герба Абданк с малым крестом, шляхтич Киевского воеводства, оседлый и полковник казацкой хоругви князя Доминика Заславского то ж.

— Ян Скшетуский, наместник панцирной хоругви светлейшего князя Иеремии Вишневецкого.

— Под славным началом, сударь, служишь. Прими же теперь благодарность мою и руку.

Наместник более не колебался. Панцирное товарищество хоть и глядело свысока на жолнеров других хоругвей, но сейчас пан Скшетуский находился в степи, в Диком Поле, где таким околичностям придавалось куда меньше значения. К тому же он имел дело с полковником, в чем тотчас же воочию убедился, потому что солдаты, возвращая Абданку пояс и саблю, мешавшие им приводить незнакомца в чувство, подали ему и короткую булаву с костяной рукояткой и яблоком из скользкого рога — обычную регалию казацких полковников. Да и платье на его милости Зиновии Абданке было богато, а умелый разговор обнаруживал живость ума и знание светского обхождения.

Так что пан Скшетуский пригласил его отужинать, поскольку от костра, дразня обоняние и аппетит, потянулся уже запах жареного. Солдат извлек мясо из огня и подал на оловянном блюде. Стали есть, а когда принесен был изрядный мех молдаванского вина, сшитый из козловой шкуры, завязалась и нескучная беседа.

— За наше скорое и благополучное возвращение! — возгласил пан Скшетуский.

— Ты, сударь, возвращаешься? Откуда же, позвошь поинтересоваться? — спросил Абданк.

— Издалече. Из самого Крыма.

— Что же ты там делать изволил? Выкуп возил?

— Нет, сударь полковник. К самому хану ездил.

Абданк с любопытством насторожился:

— Однако же в приятной компании побывал! С чем же ты к хану ездил?

— С письмом светлейшего князя Иеремии.

— Так ты в послах был! О чем же его милость князь изволил писать хану?

Наместник быстро глянул на собеседника.

— Сударь полковник, — сказал он, — ты глядел в глаза татям, которые тебя заарканили, и это дело твое; но о чем князь писал хану, это дело не твое и не мое, а их обоих.

— Я было удивился, — хитро заметил Абданк, — что его милость князь столь молодого человека послом к хану отправил, но, услышав твой, сударь, ответ, более не удивляюсь, ибо хоть и молод ты годами, но опытностью и разумом зрел.

Наместник невозмутимо выслушал лестное замечание, покрутил разве что молодой ус и спросил:

— А скажи-ка мне, ваша милость, что поделываешь ты возле Омельника и откуда тут взялся, да еще один?

— А я не один, я людей на дороге оставил, и еду я в Кудак к пану Гродзицкому, командующему тамошним гарнизоном, к каковому меня его милость великий гетман послал с письмами.

— Отчего же ты не поплыл на байдаках?

— Таков был приказ, от коего отступить мне не подобает.

— Странно, и весьма, что его милость гетман так распорядился, ведь в степи-то ты и попал в столь неприятную передрягу; едучи же водою, наверняка избежал бы ее.

— Степи, сударь мой, теперь спокойные, я их знаю хорошо, а приключившееся — это злоба человеческая и *invidia*<sup>1</sup>.

— Кому же ты так не по душе?

— Долго рассказывать. Видишь ли, сударь наместник, сосед подлый у меня; он и мое имение уничтожил, и вотчину от-

---

<sup>1</sup> Зависть (*лат.*).

тягать хочет, и сына моего побил. А теперь, как ты сам видел, и на мой живот покусился.

— Да ты, ваша милость, не при сабле разве?

Тяжелое лицо Абданка на мгновение вспыхнуло ненавистью, глаза хмуро загорелись, и он ответил медленно, неторопливо и четко:

— При сабле. И да оставит меня Господь, если отныне я лучшей управы против врагов моих искать стану.

Наместник хотел было что-то сказать, но вдруг из степи донесся конский топот, вернее, торопливое жваканье копыт по размокшей траве.

Сразу и слуга наместника, выставленный караульным, прибежал сообщить, что на подходе какие-то люди.

— Это, наверно, мои, — сказал Абданк. — Я их сразу за Тясином оставил и, никак не полагая засады, договорился ждать здесь.

Минуты не прошло — и толпа всадников окружила полукольцом взгорье. Костер вырвал из темноты головы коней, раздувавших ноздри и фыркавших от усталости, а над ними — настороженные лица седоков. Прикрывая ладонями от слепившего яркого света глаза, они быстро оглядывали всех, кто был в соседстве костра.

— Гей, люди! Кто вы? — спросил Абданк.

— Рабы божьи! — ответили голоса из темноты.

— Они! Мои молодцы! — подтвердил наместнику Абданк. —

А ну-ка сюда!

Несколько всадников спешили и подошли к костру.

— А мы торопились, торопились, *батьку. Що з тобою?*<sup>1</sup>

— В засаду попал. Хведько, иуда, знал место и поджидал тут со своими. Заранее выехал. Аркан на меня накинули!

— Спаси Бог! Спаси Бог! А что же за полячишки тут с тобою?

Говоря это, они недобро поглядывали на Скшетуского и его спутников.

— Это други честные, — сказал Абданк. — Слава богу, цел я и невредим. Сейчас дальше поедем.

<sup>1</sup> Курсивом выделены встречающиеся у Сенкевича украинские слова и фразы.

— Слава богу! Мы готовы.

Подъехавшие стали греть над огнем руки, так как ночь стояла хоть и ясная, но холодная. Было их человек сорок, причем всё люди рослые и хорошо вооруженные. Они совсем не походили на реестровых казаков, что весьма озадачило пана Скшетуского, особенно еще и потому, что подъехали они в столь немалом количестве. Все это показалось наместнику очень подозрительным. Если бы великий гетман послал его милость Абданка в Кудак, он бы, во-первых, придал ему конвой из реестровых, а во-вторых, зачем бы велел идти до Чигирина степью, а не водой? Ведь переправы через все реки, текущие по Дикому Полю к Днепру, могли только затянуть поездку. Похоже было, что его милость Абданк Кудак-то как раз и хотел миновать.

Да и сама особа Абданка весьма озадачивала молодого наместника. Он сразу же обратил внимание, что казаки, со своими полковниками обращавшиеся без лишних церемоний, этого окружали почтением необычайным, словно какого гетмана. Видать, был он рыцарь первейший, что тем более удивляло пана Скшетуского, ибо, зная Украину по ту и эту сторону Днепра, ни о каком таком знаменитом Абданке он не слыхал. А между тем в обличье мужа сего было явно что-то необыкновенное — некая скрытая сила, которою, точно пламя жаром, дышал весь его облик; некая железная воля, свидетельствовавшая, что человек этот ни перед чем и ни перед кем не отступит. Такою же волею исполнен был и облик князя Иеремии Вишневецкого, но то, что у князя было врожденным натуры свойством, присутствием высокому происхождению и положению, в муже неизвестного имени, затерявшемся в степной глуши, могло озадачить.

Пан Скшетуский основательно призадумался. То ему приходило в голову, что незнакомец, возможно, какой-то именитый изгнанник, скрывавшийся от приговора в Диком Поле; то — что перед ним вожак разбойной ватаги. Последнее, однако, было неправдоподобно. И платье, и речь этого человека свидетельствовали прямо противоположное. Поэтому наместник, оставаясь все время настороже, не знал, что и думать, а между тем Абданк уж и коня себе подать приказал.

— Сударь наместник, — сказал он, — нам пора. Позволь же еще раз поблагодарить тебя за спасение и дай мне Боже отплатить тебе таковою же услугой!

— Не знал я, кого спасал, оттого и благодарности не заслуживаю.

— Скромность это в тебе говорит, отваге твоей не уступающая. Прими же от меня сей перстень.

Наместник, смерив Абданка взглядом, поморщился и отступил на шаг, а тот, с отцовской прямо-таки торжественностью в манерах и в голосе, продолжал:

— Взгляни же. Не драгоценностью этого перстня, но другими его достоинствами дарю я тебя. Будучи молодых лет и в басурманской неволе, получил я его от богомольца, который из Святой земли возвращался. В камушке оном заключен прах Гроба Господня. От подарка такого отказываться не годится, хоть бы даже он из ославленных рук воспоследовал. Ты, сударь, человек молодой и солдат, а коль скоро и старость, могиле близкая, не ведает, что с нею перед кончиною случиться может, что же тогда говорить о младости? Имея впереди век долгий, ей с куда большими превратностями суждено столкнуться! Перстень же сей убережет тебя от беды и охранит, когда наступит година судная, а должен я тебе сказать, что година эта уже грядет в Дикое Поле.

Наступило молчание; слышно было только попыхивание костра и конское фырканье.

Из дальних камышей донесся тоскливый волчий вой. Внезапно Абданк сказал как бы сам себе:

— Година судная грядет в Дикое Поле, а когда нагрянет, *задивиться весь світ божий...*

Наместник, озадаченный словами странного мужа, машинально взял перстень.

Абданк же устремил взгляд в степную темную даль, потом не спеша повернулся и сел на коня. Молодцы ждали его у подножия.

— В путь! В путь!.. Оставайся в здравии, друже-жолнер! — сказал он наместнику. — Времена теперь такие, что брат брату не доверяет, оттого ты и не знаешь, кого спас; я ведь имени своего тебе не сказал.

- Ваша милость не Абданк, значит?
- Это мой герб...
- А имя?
- Богдан Зиновий Хмельницкий.

Сказавши это, он съехал по склону. За ним двинулись и молодцы. Вскоре сокрыла их тьма и ночь. И лишь когда отдались они этак на полверсты, ветер принес к костру слова казацкой песни:

Ой, визволи, Боже, нас всіх, бідних невільників,  
З тяжкої неволі,  
З віри басурманської —  
На яснії зорі,  
На тихії води,  
У край веселій,  
У мир хрещений. —  
Вислухай, Боже, у просьбах наших,  
У нещасних молитвах,  
Нас, бідних нивільників.

Голоса помалу стихали, а потом слились с ветерком, шелестевшим в камышах.

## ГЛАВА II

Прибыв утром следующего дня в Чигирин, пан Скшетуский стал на постой в доме князя Иеремии, где имел достаточно времени дать людям и коням отдохнуть и отдышаться после долгого из Крыма путешествия, которое по причине высокой воды и необычайно быстрого днепровского течения пришлось проделать по суше, поскольку ни один байдак не мог в ту зиму проплыть вверх по Днепру. Сам Скшетуский сперва тоже малость отдохнул, а потом отправился к пану Зацвильховскому, бывшему комиссару Речи Посполитой, старому солдату, который, не служа у князя, был тем не менее княжеским наперсником и другом. Наместник намеревался разузнать, не поступало ли из Лубен каких распоряжений. Князь, однако, никаких особых распоряжений не оставлял, а просто велел Скшетускому, в случае если ханский ответ будет благоприят-

ным, не спешить, чтобы людям и коням без нужды не утомляться. К хану же у князя дело было вот какое: он просил наказать нескольких татарских мурз, самовольно учинивших набеги на его заднепровскую державу, которых, к слову сказать, он и сам основательно поколотил. Хан, как и ожидалось, ответил благоприятно — пообещал прислать в апреле особого посла, наказать ослушников, а надеясь заслужить себе благорасположение столь прославленного воителя, послал ему со Скшетуским кровного коня и соболей шлык. Пан Скшетуский, завершив с немалым почетом посольство, само по себе служившее доказательством великого от князя фавору, очень обрадовался, что ему дозволяется в Чигирине пожить и что с возвращением не торопят. Зато старый Зацвилюховский был куда как озабочен событиями, происходившими с некоторых пор в городе. Оба отправились к Допулу, валаху, державшему в городе корчму и погребок, и там, хотя время было еще раннее, застали без числа шляхты, так как день был базарный, да к тому же на день этот приходился скотопрогонный привал, ибо скот в лагерь коронных войск прогонялся через Чигирин; так что и народу понаехало множество. Шляхта, как всегда, собиралась на базарной площади в так называемом Звонецком Куте у Допула. Были тут и арендаторы Конецпольских, и чигиринские чиновники, и окрестные землевладельцы, сидящие на привилегиях; была шляхта оседлая, ни от кого не зависящая; еще — служащие экономий, кое-кто из казацкой верхушки и, наконец, разная шляхетская мелкота, или на чужих хлебах, или по своим хуторам проживающая.

Все они теснились по лавкам, стоявшим вдоль длинных дубовых столов, и шумно разговаривали, и всё о необычайном происшествии — взбудоражившем город побеге Хмельницкого. Скшетуский с Зацвилюховским сели сам-друг в уголку, и наместник стал расспрашивать, что за птица такая этот Хмельницкий, о котором столько разговоров.

— Неужто, сударь, не знаешь? — удивился старый солдат. — Это писарь Запорожского войска, субботовский барин и... — добавил он тихо, — мой кум. Мы с ним давно знаем и во многих баталиях побывали, в каковых он себя изрядно показал, особенно под Цецорой. Солдата, столь в ратном деле



искушенного, во всей Речи Посполитой, пожалуй, не найдешь. Вслух сейчас такого не скажи, но это гетманская голова — человек великой хватки и большого ума; казачество к нему больше, чем к кошевым и атаманам, прислушивается. Он человек не без добрых свойств, однако заносчивый, неумный и, если ненависть им овладеет, страшен сделаться может.

— Зачем же он из Чигирина сбежал?

— Грызлись они со старостишкой Чаплинским, но это пустое! Как водится, шляхтич шляхтича со свету сживал. Не он первый, и не его первого. Еще говорят, что он с женой старостишкиной путался; староста у него отбил полюбовницу и на ней женился, а он потом снова баламутил ее. И такое очень даже возможно; дело обыкновенное... бабенка бедовая. Но это только видимость, за которою кое-что поважнее скрывается. Тут, сударь, все обстоит вот как: в Черкассах живет полковник казацкий, престарелый Барабаш, друг нам. У него хранились привилегии и какие-то королевские рескрипты, в которых казаков якобы сопротивляться шляхте склоняли. Но поскольку старик — человек разумный и дельный, он бумагам ходу не давал и обнародовать не спешил. И вот Хмельницкий, Барабаша на угощение сюда, в чигиринский дом свой, пригласив, послал людей на его хутор, чтобы сказанные грамоты да привилегии у жены его захватили, а потом с указами этими сбежал. Подумать страшно, что ими смута какая, вроде остраницовой, воспользоваться может, ибо герето<sup>1</sup>: человек он страшный, а исчез неведомо куда.

Скшетуский удивленно сказал:

— Ну лиса! Вокруг пальца меня обвел. Назвался казацким полковником князя Доминика Заславского. Я же его, нынешней ночью в степи встретив, из удавки вызволил!

Зацвилюховский даже за голову схватился:

— Господи, что ты говоришь, сударь? Такого быть не может!

— Очень даже может, раз было. Он назвался полковником князя Доминика Заславского и сказал, что в Кудак к пану Гродзицкому от великого гетмана послан. Правда, я этому не очень-то и поверил, потому что не водою он шел, а степью.

<sup>1</sup> Повторяю (лат.).

— Сей человек хитер, как Улисс! Но где же ты его встретил, сударь?

— У Омельника, на правом берегу Днепра. Надо думать, он на Сечь ехал.

— А Кудак решил миновать. Теперь *intelligo*<sup>1</sup>. Людей много было при нем?

— Человек сорок. Да только они поздно подъехали. Когда бы не мои, старостишкина челядь его бы удавила.

— Погоди, сударь, погоди. Это дело важное. Старостишкина челядь, говоришь?

— Ну да. По его словам.

— Откуда же тот знал, где искать, если в городе все голову ломают, куда Хмельницкий подевался?

— Этого я сказать не могу. А может, он солгал, выставив обыкновенных душегубов слугами старостишки, чтобы тем самым еще более обиды свои подчеркнуть?

— Такого быть не может. Однако дело весьма удивительное. А известно ли тебе, сударь, что имеются гетманские указы — Хмельницкого ловить и *in fundo*<sup>2</sup> задерживать?

Наместник не успел ответить, потому что в это мгновение, производя страшный шум, вошел какой-то шляхтич. Хлопнув дверьми и раз, и другой, он спесиво оглядел присутствующих и закричал:

— Всем привет, милостивые государи!

Был этот шляхтич лет сорока, ростом невысокий, с выражением лица запальчивым, чему много способствовали беспокойные и, точно сливы, сидевшие подо лбом глаза. Вошедший был, как видно, непоседлив, буен и скор до гнева.

— Всем привет, милостивые государи! — сразу не получив ответа, повторил шляхтич еще громче и резче.

— Привет, привет! — отозвались несколько голосов.

Это и был Чаплинский, чигиринский подстароста, доверенный слуга молодого пана хорунжего Конецпольского.

В Чигирине подстаросту не любили, поскольку был он первейшим забиякой, буяном и склочником; но, зная о благово-

<sup>1</sup> Понимаю (*лат.*).

<sup>2</sup> На месте (*лат.*).

лении к нему властей предрежащих, кое-кто с человеком этим знался и водился.

Одного лишь Зацвилюховского, как, впрочем, и все остальные, он уважал ввиду добродетелей, основательности и храбрости последнего. Завидев старика, он тотчас подошел и, весьма высокомерно поклонившись Скшетускому, уселся со своим стаканом меда рядом с ними.

— Досточтимый староста, — спросил Зацвилюховский, — не слыхать ли чего о Хмельницком?

— Висит, досточтимый хорунжий, не будь я Чаплинский! А ежели до сей поры не висит, то будет висеть непременно. Теперь, когда есть гетманские указы, дай мне только заполучить его в руки!

Говоря это, он так хватил по столу, что из стаканов выплеснулось содержимое.

— Не проливай, сударь, вина! — сказал Скшетуский.

Зацвилюховский прервал наместника:

— А заполучишь ли ты его? Ведь он сбежал, а куда — никто не ведает.

— Никто не ведает? Я ведаю, не будь я Чаплинский! Ты, господин хорунжий, небось знаешь Хведька. Так этот самый Хведько и ему служит, и мне. И будет он иудею Хмелю. Да чего там много говорить! Стал Хведько водиться с молодцами Хмельницкого. Человек пройдошливый! Все про него узнал! Взялся он доставить мне Хмельницкого живым или мертвым и выехал в степь загодя, зная, где его дожидаться!.. А, чертово семя!

Сказавши это, он снова ударил кулаком по столу.

— Не проливай, сударь, вина! — нажимая на каждое слово, повторил пан Скшетуский, с первого взгляда почувствовавший безотчетную антипатию к подстаросте.

Шляхтич побагровел, сверкнул выкаченными своими глазами, полагая, что ему дают повод, и вызывающе воззрился на Скшетуского, однако, увидев мундир Вишневецких, одумался, ибо, хотя у хорунжего Конецпольского в то время была с князем пря, Чигирин тем не менее находился недалеко от Лубен, и оскорблять княжеских людей было небезопасно. К тому же князь и людей подбирал таких, задираться с которыми следовало подумавши.

— Значит, Хведько взялся Хмельницкого тебе доставить? — снова стал спрашивать Зацвилюховский.

— Именно. И доставит, не будь я Чаплинский.

— А я твоей милости могу сказать: не доставит. Хмельницкий ловушки избежал и на Сечь подался, о чем еще сегодня следует известить краковского пана нашего. С Хмельницким лучше не шутить. Короче говоря, и умом он быстрее, и рука его потяжелее, и удачи у него поболее, чем у твоей, сударь, милости, ибо очень ты в ражходишь. Хмельницкий, повторяю, отбыл в безопасности, а если не веришь, тогда этот кавалер подтвердит, который его в степи вчера видел и, с целым и невредимым, с ним разехался.

— Не может такого быть! Не может быть! — завизжал, дергая себя за чуб, Чаплинский.

— Более того, — продолжал Зацвилюховский, — кавалер, здесь присутствующий, сам же его и спас, а слуг твоей милости перебил, в чем, несмотря на гетманские указы, не виноват, так как из Крыма с посольством возвращается и про указы не знал; видя же человека, грабителями, как он решил, в степи обижаемого, поспешил ему на помощь. О сказанном спасении Хмельницкого заранее тебя, сударь, предупреждаю, так как он с запорожцами непременно тебя в экономии твоей навесит, и надо полагать, что ты этому не обрадуешься. Слишком уж ты с ним цапался. Тьфу, черти бы вас побрали!

Зацвилюховский тоже не любил Чаплинского.

Чаплинский вскочил и от ярости слова не мог сказать. Лицо его совсем побагровело, а глаза еще сильнее выпучились. Стоя в таком виде перед Скшетуским, он стал бессвязно выкрикивать:

— То есть как? Ты... невзирая на гетманские распоряжения!.. Я те, сударь... Я те, сударь...

А Скшетуский даже и со скамьи не привстал; опершись на локоть, он глядел на наскакивавшего Чаплинского, как сокол на привязанного воробья, и наконец спросил:

— С чего ты, сударь, ко мне прицепился, точно репей к собачьему хвосту?

— Да я тебя к ответу... Не слушаешься указа... Я вашу милость казаками!..

Подстароста так орал, что шум в погребке несколько утих. Люди стали поворачиваться к Чаплинскому. Он всегда искал ссоры, уж такая это была натура, и с каждым встречным скандалил; но сейчас всех удивило, что разошелся он при Зацвилюховском, которого одного и боялся, а задрался с жолнером, одетым в форму Вишневецких.

— Уймись, сударь, — сказал старый хорунжий. — Сей кавалер пришел со мною.

— Я те... те... тебя в суд... в колодки!.. — продолжал вопить Чаплинский, не обращая ни на что и ни на кого внимания.

Тут уже и пан Скшетуский тоже поднялся во весь свой рост, однако сабли из ножен не вытащил, а, подхватив ее, свисавшую с пояса на двух перевязях, посередке, поднял таким образом, что рукоять с маленьким крестиком подъехала к носу Чаплинского.

— А понюхай-ка это, сударь, — холодно сказал он.

— Бей, кто в Бога верует!.. Люди!.. — крикнул Чаплинский, хватаясь за эфес.

Но своей сабли выхватить не успел. Пан Скшетуский, повернув его на месте, одною рукою схватил за шиворот, другою — пониже спины за шаровары, поднял в воздух и, с рвущимся, точно кубарь, из рук, пошел с ним между скамей к дверям, возглашая:

— Панове-братья, дорогу рогоносцу! Забодает!

Сказавши это, он добрался до дверей, ударил в них Чаплинским, распахнул их таким манером и вышвырнул подстаросту вон.

Затем спокойно вернулся и сел на свое место рядом с Зацвилюховским.

В погребке во мгновение сделалось тихо. Сила, какую только что продемонстрировал Скшетуский, произвела на всю шляхту громадное впечатление. Спустя минуту всё вокруг сотрясилось от смеха.

— Vivant<sup>1</sup> вишневичане! — кричали одни.

— Сомлел, сомлел и в крови весь! — восклицали другие, выглядывавшие на улицу, любопытствуя узнать, что предпримет Чаплинский. — Слуги его поднимают!

---

<sup>1</sup> Да здравствуют (*лат.*).

## СОДЕРЖАНИЕ

ОГНЕМ И МЕЧОМ. Роман.	
<i>Перевод А. Эттеля и К. Старосельской</i> .....	7
Послесловие. <i>Б. Стахеев</i> .....	869
Примечания. <i>Б. Стахеев</i> .....	885